

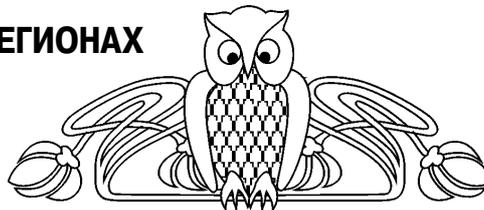

УДК 321022 (32.019.5)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ТРЕНДОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРЕ И В РЕГИОНАХ

И. А. Бегинина Неверно. Правильно: Н.В. Шахматова

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье раскрываются основные модели властных отношений в регионах современной России, показываются их отличительные особенности, противоречия и факторы, способствующие их трансформации в Саратовской области.

Ключевые слова: властные отношения, регион, элита.

The Social Foundations of the Main Trends of Power Relations in the Centre and in the Region

I. A. Beginina Неверно. Правильно: N.V.Shakhmatova

The article deals with the main models of power relations in the regions of modern Russia, their distinguished characteristics, contradictions and factors contributing to their transformations in Saratov region.

Key words: power relations, region, elite.

В начале XXI в. возрос научный интерес к изучению переходных периодов развития российского общества, что связано с завершением в России сложной общесистемной трансформации. Важнейшим направлением в изучении переходных периодов признается анализ властных отношений, исследование содержания, форм, методов реализации власти, борьбы общественно-политических сил за ее обладание¹.

Необходимо отметить, что политические процессы в период перестройки и постсоветской России 1990-х гг. сопровождалась радикальным изменением всей системы политических, властных отношений. Осмысление этой трансформации невозможно без изучения проблематики элиты как ключевого актора политического процесса в переходные периоды, которая сохраняет свои позиции в системе общественных отношений, но проводит внутреннюю перегруппировку сил, приводя к власти новые элитные группы. По справедливому мнению А. И. Соловьева, «... как демонстрирует опыт переходных преобразований, главный источник политических инициатив, как правило, находится в элитарных слоях, для которых институты выступают важнейшей формой проектирования социальных отношений, средством формирования и регулирования политического пространства»².

Говоря о трансформации элиты в постсоветской России, исходным пунктом анализа должен быть ретроспективный взгляд на властные структуры советского общества. Ответ на вопрос о перспективах и дальнейших траекториях развития

требует основательного исторического анализа, с тем чтобы представить место и роль института номенклатуры в общем контексте трансформации властных отношений в российском обществе. Что произошло в недрах советской политической элиты, в результате чего стал возможным кризис и распад системы власти? Почему она сама стала претворять в жизнь социальные и политические новации, которые буквально за несколько лет разрушили старые общественные конструкции? Эти и другие вопросы приводят к необходимости предметного изучения тех внутренних изменений в правящем слое, которые предопределили дальнейшие преобразования всей системы.

Номенклатура не следует рассматривать вне исторического контекста. Как установление, так и падение этого института власти – закономерный процесс. Будучи создана для решения стоящих перед государством задач, номенклатура изначально и по своей сути была образованием временным; институтом тоталитарного общества, функциональным в силу наличия лидера, контролирующего её. Иначе она начинает саморасширяться, а механизмов контроля над ней в обществе нет. Далее она становится неэффективным средством управления, в результате чего существование института номенклатуры пришло к своему логическому концу. Социально эта система дифференцирована на три уровня:

- 1) уровень лиц, принимающих решения, касающиеся социально-экономического и политического развития региона в целом;
- 2) уровень лиц, переводящих эти решения на уровень практических социальных технологий;
- 3) уровень лиц, осуществляющих в основном исполнительские функции.

Элита принадлежит к первому уровню, бюрократия – ко второму и третьему и соответственно подразделяется на высшую и низшую бюрократию. Бюрократия более многочисленна и более стабильна, чем элита. Она, как правило, целиком не заменяется в связи со сменой регионального лидера. Элита же едва ли не целиком в этих условиях обновляется. Между элитой и бюрократией соблюдается строгая служебная иерархия и довольно существенная не только должностная, но и социальная грань. Функции сращивания власти и собственности, отчуждения общества от власти

осуществляет в основном элита. Она менее номенклатурна, поскольку персонально зависит от итогов выборов губернатора области и президента автономии.

Становление и развитие государственной службы в регионе зависит от той модели властных отношений, которая уже существует, и одновременно от той модели, на достижение которой ориентируется региональная элита и бюрократия. Первый тип характеризует командно-административную модель управления, нередко именуемую системой умеренного или либерального авторитаризма, работники которой имеют следующие качественные черты: избегают риска, занимаются рутинной деятельностью, концентрируются на самой деятельности, не любят изменений, избегают брать на себя ответственность за принятое решение из-за боязни административного наказания, концентрируют внимание на ограничениях, выдвигают на первый план безопасность, не имеют желаний переобучаться.

Это относится в основном к бюрократии, в первую очередь к низшей. На элиту в командно-административных системах распространяются совершенно иные правила: принятие управленческих решений единолично, если это касается первых лиц области, и в первую очередь это относится к бюджетным, кадровым вопросам, к отношениям с системой местного самоуправления; отсутствие реального контроля и ответственности представителей элиты за принятые решения; определение основных принципов и направлений экономической и социальной политики в регионе в обход законодательных органов или путем давления на них; самостоятельное распоряжение бюджетными ресурсами региона и нередко в личных или клановых целях.

Административно-командной системе управления в регионе соответствует так называемая гильдейская система ротации и подбора кадров государственных служащих. Для этой системы гильдий характерны: закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь вверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постоянное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии; высокая степень институализации отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров – формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность (пример с «Единой Россией»), возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т.д.; небольшой, относительно закрытый круг электората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или первый руководитель – губернатор или президент автономии; тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу эта черта вытекает из предыдущих – наличия многочисленных формальных требований, под-

бора кадров узким кругом руководителей, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Вторая (интенсивная) модель управления характеризуется принципиально иными качественными чертами, которыми должен обладать государственный служащий. Указанная модель пронизана рыночной, инновационной психологией и ориентирована на такие черты, как риск, постоянное применение инноваций, концентрацию на результатах деятельности, стремление к изменениям, отношение к ошибкам с пониманием и учебу на них, концентрацию внимания на появляющихся возможностях, шансах, выдвижение на первый план необходимости достижений, трактовку обучения работников как выгодные инвестиции.

При всей видимости противоположности интенсивной модели регионального управления его административно-командной модели они тем не менее в отдельных своих элементах дополняют друг друга. Нет собственно чисто командно-административных и интенсивных моделей управления, как нет чистых и качественных однозначных явлений в региональной политике. Довольно существенным отличием двух отмеченных моделей является то, что в интенсивной или инновационной модели нет двойных стандартов требований к элите и бюрократии. Эти требования едины, подчинены контролю со стороны общества и его гражданских институтов и весьма прозрачны, легко проверяемы и включены в эффективную систему аттестации государственных служащих.

Инновационной модели управления соответствует антрепренерская (предпринимательская) система подбора и ротации государственных служащих. Эта система во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятия лидирующих позиций; небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; широкий круг электората, который может включать всех избирателей региона; высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; первостепенная значимость личностных качеств, индивидуальной активности, умение найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Нужно отметить, что в настоящее время ни в чистом, ни в смешанном виде не действует ни гильдейская, ни антрепренерская модели подбора и ротации кадров государственных служащих в регионах. Действует своего рода авторитарно-мобилизационная модель, довольно неустойчивая и неорганичная. По этой модели команды губернаторов и президентов автономий как приходят, так и уходят вместе с ними. Преимущество и стабильность в этом случае отсутствуют. Один клан у власти заменяет другой клан. Сменяются

у власти все: от элиты до нищей бюрократии. Причем, хотя эта смена и носит тотальный характер, она многоэтапна. Вначале уходят первые лица, затем вытесняется и заменяется высшая бюрократия. Низшая бюрократия заменяется обычно не полностью, частично она остается в обновленном аппарате, но положение ее довольно неустойчиво.

С формальной точки зрения Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» предполагает вовлечение в нее работников с различными качественными чертами. Государственная служба предполагает как интенсивную, так и экстенсивную модели управления, ориентироваться на различные профессиональные виды деятельности, в которых заняты руководители различного ранга. Среди них формальные и неформальные лидеры, их заместители, советники и консультанты, исполнители и канцелярские работники. Поэтому модель обучения в России, несмотря на устойчивость сложившихся стереотипов управления, не может быть ориентирована на узкий круг критериев оценки управленческих работников. Само понятие «государственная служба в регионе» неоднозначно по своему социально-политическому содержанию и наполнению, поскольку неоднозначно и многогранно само понятие региона.

И все семь федеральных округов, и их подразделения (области, края, автономии) являются регионами различного уровня. В этом случае в состав регионов входят и Москва и Санкт-Петербург. Организация государственной службы в данных регионах довольно привилегированна, также имеет как универсальные, так и специфические региональные особенности. Универсальные или общие черты определяются как социальными, так и политико-правовыми факторами. Московский и Петербургский социумы, в том числе и находящиеся в них государственные служащие, являются элементами общенациональной социальной структуры и подчинены действию общих социально-экономических и общественно-политических закономерностей. В них действуют условно общие трансформационные процессы. Условно, потому что это привилегированные города, и у государственных служащих в этих городах более высокий общественный статус, чем у провинциальных госслужащих, более широкие возможности использования собственного интеллектуального и профессионального потенциала, для получения личных материальных выгод, для карьерного продвижения в федеральные органы власти. Известно, что в настоящее время кадровые вопросы решаются не столько федеральным законом о государственной службе, а тремя неформальными кланами или клиентелами: семьей (ельцинское окружение), московским правящим и петербургским правительственным кланом.

Государственные службы в Московском и Санкт-Петербургском регионах во многом связа-

ны с обслуживанием интересов олигархических структур, которые в настоящее время совершают не только экономическую, но и политическую экспансию в регионы. Вполне вероятно, что подобная тенденция приобретет устойчивый характер, и со временем государственная региональная служба напрямую будет вмонтирована в обслуживание интересов олигархических кланов. Собственно олигархами была выдвинута идея установления жесткой вертикали власти, внешне имеющая цель покончить с региональным сепаратизмом, со своеволием губернаторов и президентов автономий. Эта, казалось бы, благая цель ставит более широкие и масштабные задачи, а именно сформировать российскую политическую систему по обслуживанию интересов олигархов и фиксирующую то состояние социальной дифференциации общества, которое сейчас имеется. При неорганичности и неуправляемости хрупкого современного социального порядка планируется создать довольно мощную и авторитарную внешнюю для него политическую оболочку. Так называемая политическая реформа мыслится как еще большее отчуждение общества от власти и приближение региональной государственной службы к поддержанию данного отчуждения. Тем самым расширяется сфера влияния олигархии.

Государственная служба привилегированных регионов наряду с финансовыми структурами обеспечивают привилегированную жизнь отмеченных социумов. Как известно, в Москве нет добычи нефти – однако через Московскую нефтяную биржу проходит 70% биржевого оборота нефти и нефтепродуктов. То же самое можно сказать и в отношении цветных металлов (через соответствующую московскую биржу проходят 85% никеля, 74% меди, 60% свинца, 50% алюминия), леса и лесоматериалов (через расположенную в Москве «Рослесбиржу» проходит 70–80% биржевого оборота продукции из леса. Столичная рента прослеживается не только в Москве, но и в наиболее крупных административных центрах субъектов РФ. Так что объективная оценка эффективности деятельности государственной службы в регионах в этих условиях едва ли возможна и одновременно едва ли возможна инновационная модель регионального управления, поскольку она связана с осуществлением риска. В отмеченной ситуации возможности риска резко сужаются.

В связи с реструктурированием российского общества возникают необходимые предпосылки для становления нового типа властных отношений. Как полагает В. Д. Виноградов, трудности в подобном становлении обусловлены наличием определенных «троп зависимости» новых институтов от старых³. Тропы зависимости, прежде всего, в сохранении прежних стереотипов поведения, ценностных установок, норм взаимодействия в сознании людей. Успешность и скорость трансформационных преобразований напрямую связана со способностью самого обще-

ства адаптировать и принять (перенять) новые нормы взаимодействия.

В результате социальных и политических преобразований во многом сменился персональный состав элитных групп, изменились социально-демографические характеристики и трансформировались основные структурные элементы власти (отсутствие монолитности, идеологический плюрализм элитных групп). В то же время эти изменения осуществлены на фоне значительной преемственности в формах взаимодействия, ценностях и ориентирах новых элитных групп (авторитарность управления, патрон-клиентные связи). Эта преемственность далеко не всеобща, наряду с существованием старых норм взаимодействия идёт институционализация новых, свойственных демократическому общественному устройству. Пережитки старых норм объясняются как воздействие института номенклатуры, которое со временем, возможно, прекратится.

Далее следует остановиться подробнее на конфликтах интересов внутри элиты как неотъемлемого признака внутрисистемного переходного периода. В рамках авторитарного общества советского типа установлено существование артикулированного конфликта интересов, который, как правило, носил внутриэлитный характер и являлся способом разрешения назревших противоречий в обществе. Субъектами данного политического конфликта выступали именно группы интересов, находящиеся на более высоком уровне внутриэлитной организации, нежели клиентелы.

Внутриэлитный конфликт интересов в условиях трансформации авторитарной советской общественно-политической системы не привел к появлению качественно иной (демократической) модели развития. Вышедшие победителями из внутриэлитных баталий группы интересов являлись в большей степени защитниками и хранителями существовавших политических традиций.

Во внутрисистемный переходный период от политики реформ к стратегии политической стабилизации региональная элита в силу специфики своего положения проявляет себя как конфликтная группа в трех «системах координат». В условиях формирования нового политического пространства конфликт интересов структурируется, во-первых, по критерию обладания власти; во-вторых, по уровням власти; в-третьих, по «отраслевому» принципу. Для региональной элиты доминантой развития конфликта является защита внутриэлитных интересов от стихийного воздействия масс.

Что касается осознания собственных интересов в политической системе региональных властных структур и бизнес-элиты, то здесь прослеживается слабый уровень гражданско-государственной идентичности⁴. Идентификация наблюдается в относительно небольших группах (предприятие, организация) и территориально ограничена городом и регионом. При рассмотре-

нии солидаризации в более крупном масштабе идентификации практически не наблюдается. Например, только 12,3% опрошенных ощущают близость с людьми схожих политических взглядов. Немного выше процент (23,1%) ощущения близости людей, принадлежащих к одной вере.

Еще одним свидетельством слабой гражданско-государственной идентичности является отсутствие солидаризации граждан с президентом. В транскриптах глубинных интервью встречается «наш Володин», «наша Слиска», «наш Гусев» – идентификация с популярными саратовскими политиками. Но необходимо отметить, что ни в одном из интервью не встретилось выражение «наш Президент». Только 9,4% респондентов высказывают лояльность к президенту в значительной степени. Как выяснилось, жители области более лояльны к президенту, чем жители областного центра.

Гражданская идентификация через солидаризацию с гражданами страны, тем более в образе «мы», среди экспертов не отмечается. Напротив, наблюдается негативное отношение к народу. Народ и для представителей власти, и для представителей бизнеса – это в основной своей массе нелюди – биомасса человекоподобных существ, не наделенных разумом. Большинство опрошенных респондентов воспринимают сограждан как людей с дефектным сознанием, неспособных к рефлексии, обвиняя в этом в первую очередь наше общество и государство с мощной системой монополизированных СМИ, в результате работы которых и происходит массовое зомбирование⁵. Бизнесменов пугает пассивность народа, незаинтересованность в отстаивании демократических завоеваний гражданского общества. Отметим, что только один респондент из числа опрошенных заявил: «я патриот своей страны». Складывается впечатление, что быть патриотом «не модно», а соответственно и отстаивать национальные интересы страны тоже.

У чиновников также не проявляется открыто чувство патриотизма, но прослеживается идентификация с государством. Более того, у представителей власти не встречаются заявления «мы – граждане», в их позиции – «государство – это мы» проявляется гиперидентичность с государством. Результаты качественного и количественного анализа на основе территориально-пространственного критерия стратификации не совпадают. Как показывает сравнительный анализ, для жителей Саратовской области гораздо важнее солидаризации по таким показателям, как: «родиться в России», «иметь российское гражданство», «мы – славяне» («чувствовать ответственность за страну», «земляки, жители города, села, области», «быть той же национальности»).

Подобная картина наблюдается и в массовом сознании регионального социума. Так, по результатам анкетирования населения⁶ Саратовской области, основными институтами, с

деятельностью которых население связывает надежды на улучшение своего положения, являются органы исполнительной власти, причем наибольшим лимитом доверия обладает представитель федерального уровня власти президент (его указали 41,2% опрошенных), тогда как администрация Саратовской области, органы национальной безопасности, правоохранительные органы и армия значительно отстают по этому показателю (соответственно 12,6, 10,7, 10,7 и 14,5%). На втором месте по уровню ожиданий со стороны населения находятся органы законодательной власти, и здесь представители федерального уровня находятся в более выигрышном положении: Совет Федерации был указан 25,5% респондентами, Государственная дума – 9,8%, законодательные органы Саратовской области – 12,6%. Наконец, законодательная ветвь власти находится на самых последних позициях: с судами и мировыми судьями надежды на улучшение своей жизни в будущем связывают 8,5% и 8,8% опрошенных соответственно. Наряду с этим политические партии были указаны лишь в 8,5% случаев, средства массовой информации – 10% случаев и бизнес – 10,5%.

Даже с учетом традиционной для российского населения ориентированности не на организационные структуры, а на конкретных людей, находящихся на тех или иных постах, степень доверия региональным лидерам сохраняется на достаточно низком уровне. В той или иной степени губернатору Саратовской области доверяют лишь 42,3%, тогда как недоверие проявляют 57,7%, более того, выражение крайней степени недоверия (23,3%) практически в 6 раз (!) превышает крайнюю степень доверия населения (4%) к этому политическому лидеру. Еще более пессимистичная картина наблюдается при анализе отношения населения к муниципальным органам управления. Степень недоверия проявляют в общей сложности 72,2% опрошенных, тогда как доверие, и то только при определенных условиях, демонстрируют 27,8 % респондентов.

Субъекты реальной региональной политики недооценивают население и отдельных его представителей как возможных субъектов публичной политики. Население в их глазах выступает скорее как объект манипулирования, нежели политический субъект. Интересы населения представлены слабо, чаще всего выступают как ресурс для собственного политического выживания, что позволяет оценивать уровень публичной политики в регионах как локальный и в сильной степени зависимый от доминирующих политических акторов в регионе. И в данном варианте вряд ли возможно говорить о модернизационном прорыве, предполагающем совершенно иные формы публичной политики.

Таким образом, проведенный анализ исследования показал, что основные тренды форми-

рования и трансформации властных отношений зависят от следующих факторов.

1. Отсутствие четкой национальной концепции трансформирования. Россия опять в который раз пошла по одной из возможных моделей развития догоняющей страны. Мы стали на путь простого подражания западной цивилизации без полного учета социокультурных традиций нашего общества. Попытка простого копирования пути развитых стран, безусловно, дает определенные результаты, но имеет неразрешимые препятствия.

2. Экономическая база реформирования. Чрезвычайно милитаризованная экономика (до 80%) и низкая технологичность, неконкурентоспособность потребительских товаров в период реформ из-за отсутствия инвестиций привели к фактической остановке или сокращению многих производств. В данном случае речь идет о базе того общества, которое было построено в советское время и в котором проявилось идеологическое содержание той системы.

3. Менталитетные особенности россиян. Этот фактор является определяющим сегодня, так как первые два претерпевают изменения, а традиционное мышление и понимание, ценностные ориентации меняются недостаточно быстро. Структура ценностей россиян и, следовательно, стиль жизни, к сожалению, во многом отличается от структуры западных ценностей. Пока структуру ценностей россиян не определяют нормы и правила рыночного поведения. Как показывают исследования⁷, в менталитете россиян не представлены глубоко такие ценности рыночной экономики, как собственность, хозяйство (дело), труд. Ценность труда находится фактически во внешнем слое системы ценностей россиян. Есть понятие “идеального” труда, но ценность реального труда аморфна.

4. Низкий уровень гражданско-государственной идентичности в различных социальных слоях позволяет констатировать, что основным актором, осуществляющим поддержку населения (по оценкам самих граждан), выступают органы федеральной власти, которые и предопределяют основные тренды формирования и трансформации властных отношений в центре и регионах. На региональном уровне чиновники имеют наиболее сильный уровень гражданской идентичности, «государство – это МЫ», что прослеживается в экспертных интервью.

Таким образом, мы можем говорить о том, что процесс трансформации властных структур в современной России ещё не закончен. Усвоение новых норм властного взаимодействия и новых, принципиально иных ценностных установок потребует немало времени. Некоторые социологи оценивают продолжительность данного процесса как минимум периодом жизни одного поколения (15–20 лет). Вместе с тем налицо значительные сдвиги в данном на-

правлении. Поскольку процесс трансформации не закончен, сохраняется высокая вероятность централизации власти и доминирующим фактором социального развития регионов выступают стратегии, определяемые вертикалью власти, особенно центра, поскольку региональная элита в большей степени ориентирована на адаптационные стратегии.

Примечания

- ¹ См.: Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918 гг., 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998. С. 3.
- ² Соловьев А.И. Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник. М., 2004. С. 314.
- ³ См.: Виноградов В.Д. Политическая реформа в России: проблемы и противоречия // <http://www.soc.pu.ru/archive/polsk.shtml#link12>

- ⁴ Данный вывод базируется на результатах 32 глубинных интервью, проведенных летом 2006 г. в рамках проекта «Будущее России: взгляд из центра и регионов».
- ⁵ Из интервью с представителем региональной власти: «Да у нас народ -то какой стал – как овцы. Куда, чего... наверное, уже смирились. Потому что выборов у нас как таковых демократических уже давно нет. Все, что запланируют, те люди и проходят. Это не демократия». «На самом деле то, что Путин выступил со своим посланием за второго ребёнка решил сделать доплату 250 тысяч рублей, которые могут на обучение потратить, не на речку и в овраг и пропить, что будут делать маргинальные семьи в которых там восемь детей, которые оборвывая ходят и кур воруют, для того чтобы купить наркотики...»
- ⁶ Социологический опрос «Социальные реформы и их последствия для жителей региона сегодня и завтра» проводился весной 2006 г. методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотной-стратифицированной выборки составил 739 респондентов – жителей г. Саратова и Саратовской области.
- ⁷ См.: Горшков М. К. Массовое политическое сознание: противоречия и парадоксы // Тезисы II Всерос. социолог. конгресса // <http://lib.socio.msu.ru/library>

УДК 32.019.51

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РЕГИОНЕ

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: ivchenkovsg@yandex.ru

Статья нацелена на выявление особенностей СМИ как канала взаимодействия власти и общества. Выделяются основные факторы эффективности влияния средств массовой информации на общественное мнение в регионе и социально-политическую ментальность.

Ключевые слова: СМИ, гражданское общество, власть, общественное мнение.

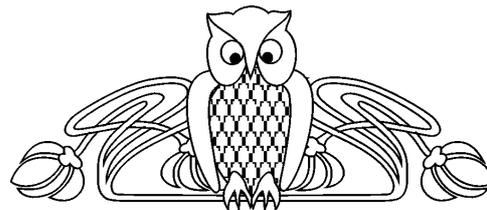
The Instrument of Mass Media Impact on the Social Opinion in the Region

S. G. Ivchenkov

The article aims at clearing up mass media channels interaction peculiarities between power and society. The main factors of mass media impact effectiveness on social opinion and socio – political mentality in the region are distinguished.

Key words: mass media, civil society, power, public opinion.

Для анализа эффективности СМИ и образовательных учреждений в контексте детерминации формирования и изменения властных отношений обратимся к анализу результатов социологических исследований, которые позволили выявить механизм воздействия СМИ

на общественное мнение населения. Формирование общественного мнения – сложный процесс. Источник его не только в естественной разделенности граждан, но и в равной степени во внешних факторах, среди которых наиболее значительным остается избирательная система. В этом смысле если политическое деление образует некие рамки, предписываемые общественному мнению извне, то это скорее отражение расхождений, существующих внутри самого общественного мнения.

Важным фактором формирования политических предпочтений респондентов является степень их доверия СМИ. Возникает вопрос о возможности воздействия на предпочтения избирателей посредством политической рекламы и пропаганды через СМИ и другие проявления. По нашим данным, решающее воздействие при голосовании оказали: выступления лидеров партии по телевидению – 39%; предвыборные ролики партии по телевидению – 13; советы знакомых и близких – 10; комментарии известных людей, журналистов – 9; реклама по радио – 9; я сам принял это решение – 24%¹.